
А.И. Груша

ПРАВОСУДИЕ ДЛЯ ВЛАСТИТЕЛЯ:
ПРОЦЕСС 1467 г. В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ИЗМЕНЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ЛИТОВСКОГО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

В статье рассмотрен пример конституирования новых способов рассуждения, выработки нестандартных решений, преодолевающих силу традиционных установлений, в ходе разрешения конфликтов судебным порядком в Великом княжестве Литовском во второй половине XV в. Исследуется процесс 1467 г. между панами Олехной Судимонтовичем и Юрьем Зеновьевичем по делу о земле за речкой Оленец. Этот процесс проливает свет на сложные мотивы каждой из судебных сторон, возможности всех участников процесса в отстаивании своих интересов и прав, явные и скрытые намерения, отношение к социальным нормам и традиционным процедурам этих участников, их стратегии, репертуар ходов и манёвров, мыслительные и эмоциональные реакции в меняющихся обстоятельствах, возникающих вызовах и открывающихся при этом перспективах. Показано, в каких условиях, обстоятельствах и на каком социокультурном фоне могли появляться новые механизмы легитимации.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, суд, право, традиция, новация, судебные показания, судебные процедуры, доказательство, документ, рациональность, критическое мышление, неформальный способ рассуждения

Данная статья является попыткой более внимательно отнестись к одной из тем, затронутых нами в монографии о происхождении документа в Великом княжестве Литовском (далее: ВКЛ) (Груша 2015). Эту тему мы с определенной долей условности определяем как модернизация общества ВКЛ в конце XIV – XV в. Данная модернизация проявила себя во всё прирастающих в числе новациях, в частности в области осуществления власти, управления и суда на разных их уровнях. Документ являлся одной из таких новаций.

В данной же работе мы планируем рассмотреть лишь отдельный пример появления этой новации. Этот пример не показывает изменения, возникшие исподволь, незаметно для общества;

не характеризует трансформации, появившиеся в результате принудительного волеизъявления властей; он не относится к числу тех, что отражают последствия прецедентов. Данный пример иллюстрирует конституирование новых способов рассуждения, выработку нестандартных решений, преодолевающих силу традиционных установлений, в ходе разрешения конфликтов судебным порядком. Это частный, но значимый случай, проливающий свет на сложные мотивы каждой из судебных сторон, возможности всех участников процесса в отстаивании своих интересов и прав, но главное – на явные и скрытые намерения, отношение к социальным нормам и традиционным процедурам этих участников, их стратегии, репертуар ходов и манёвров, а также на мыслительные и эмоциональные реакции в условиях меняющихся обстоятельств, возникающих вызовов и открывающихся при этом перспектив. Используя именно эти важные преимущества данного случая, попытаемся показать, в каких условиях, обстоятельствах и на каком социокультурном фоне могли появляться новые механизмы легитимации.

В центре нашего внимания – судебный процесс, который состоялся в 1467 г. по делу между полоцким наместником паном Олехном Судимонтовичем и паном Юрьем Зеновьевичем о земле за речкой Оленец (Груша 2010. С. 135–137; 2015. С. 39–40). Почти всё, что мы знаем об этом процессе, восходит к судовому листу (самоназвание письменных приговоров суда), изданному в связи с этим процессом. Сам же лист дошел до нас не в подлиннике, а в списке – в составе одной из книг Метрики ВКЛ (LM-25. Р. 268–270).

Представим главных действующих лиц процесса. Истец – Олехно Судимонтович, впервые упоминается в источниках в 1446 г. В разное время он занимал должности господарского подчашого (1448–1477), подкоморого (1449–1453), городенского (1458–1459), полоцкого наместника (1463–1476), виленского воеводы (с 1477), канцлера (с 1477). Умер Олехно в 1490 или 1491 г. Исследователи характеризуют его как, пожалуй, самого влиятельного представителя знати ВКЛ в конце правления польского короля и великого князя литовского Казимира IV Ягайловича (1440–1492) (Petrauskas 2003. Р. 297–298; Пятраўскас 2014. С. 305–306). Ответчик – Юрей Иванович Зеновьевич, хоть и происходил из знатного и богатого рода, никогда не занимал высокого положения при дворе правителя. Его служебная карьера была менее целенаправленной

и более скромной: браславский (1488–1500), смоленский (1507–1508), дорсунишский наместник (в период до конца 1514 г.), могилёвский наместник (с 1514 г.), маршалок (1516). Умер Юрей, вероятно, в 1516 г. (UWKL. Т. 4. S. 51; LM-9. P 168, 295). По всем данным Олехно был старше Юрья.

В качестве судей выступили менский наместник князь Иван Юрьевич (в источнике ошибочно – Иванович) Жеславский (занимал эту должность примерно до 1484 г., впоследствии являлся витебским наместником, ок. 1484–1485) и марковский наместник Михайло Корсакович. О деятельности последнего известно лишь то, что он ранее выступил одним из судей еще в одном деле, имевшем место приблизительно в это же время (Груша 2015. С. 37). В данном процессе Иван Жеславский и Михайло Корсакович выступали как полюбовные судьи (в качестве таковых эти судьи были избраны судебными сторонами: Михайло Корсакович – истцом; Жеславский – ответчиком. – LM-25. P. 270); этот состав судей был утвержден и уполномочен «приказаньем» правителя – великого князя литовского Казимира).

Теперь об объекте тяжбы. Им стала земля за речкой Оленец (левый приток р. Вилия, бассейн Немана, ныне – территория Сморгонского района Гродненской области Республики Беларусь), заселенная крестьянами Лялевичами, сравнительно небольшое земельное владение, не превосходящее по своей площади 4 км² (как можно предположить по предварительным результатам подсчета).

Суть дела заключалась в следующем. Олехно Судимонтович оспорил право Юрья Зеновьевича на землю за речкой Оленец на том основании, что этой землей владел отец Олехны. Юрей не признал это основание, поскольку, с его слов, Судимонт получил указанную землю в результате оговора дяди Юрья – Василья, перед великим князем литовским Жигимонтом (Сигизмундом) Кейстутовичем (1432–1440). К следствию были привлечены показания свидетелей из числа местных бояр и крестьян. Несмотря на то, что свидетели дали эти показания в пользу Олехны, они отказались подтвердить свои слова под присягой. Дело выиграл Юрей Зеновьевич.

Данный документ – один из очень редких источников, позволяющих определить фактические обстоятельства дела, включая законность притязаний каждой из сторон. Следует признать достоверными и точными следующие факты. Суд

с большой ответственностью отнесся к ведению следствия. Выражаясь современным юридическим языком, он обеспечил каждую из сторон равными процессуальными правами в отстаивании их интересов, а также состязательность процесса. По всем данным, судейская коллегия соблюла все необходимые правила и процедуры. Судовый лист был составлен тщательно, со всей старательностью. В нём нет второстепенной, малозначимой информации. Всё в нём представлено по существу дела и сделано это ясно, четко, емко, последовательно и логично. Составители документа акцентировали внимание на всех важных нюансах тяжбы. Безусловно, они позаботились о том, чтобы представить на бумаге (очевидно, подлинник в прямом смысле этого слова был подготовлен на бумаге) действия и решения судей в безупречном виде. Подготовка судебного листа – отдельная задача в оформлении вынесенного вердикта. Но ее выполнение вовсе не было нацелено на то, чтобы сокрыть или закамуфлировать нарушения в ведении дела, отдельные его изъяны. О достоверности и точности фактов, изложенных в источнике, может говорить и то, что проект документа явно был зачитан вслух в присутствии сторон и свидетелей процесса (они отмечены в тексте документа) и оценен аудиторией на предмет указанных характеристик. Приговор суда не был опротестован стороной, проигравшей дело. Он не был подтвержден правителем, но такое подтверждение было не обязательным, и потому данный приговор сохранил свою законную силу.

Столь подробная оценка сведений, отраженных в документе, нам понадобилась главным образом для того, чтобы удостовериться в подлинности вот какой информации. Истец Олехно Судимонтович оказал давление на свидетелей и склонил их к даче ложных показаний, притом что эти последние давались с использованием религиозной процедуры – «сознания» Божьей правды (Груша 2015. С. 37–38). У составителей документа было два повода сообщить об этих показаниях. В первый раз – при описании следствия, цитируя версию одной из сторон. Во второй раз – при описании итогов процесса, приводя признание свидетелей. Выслушав заявление истца о том, что он «держит» свидетелей, «добрые мужи и бояре, которые того гораздо сведоми, што то моихъ людеи земля», судьи спросили у ответчика: «Пане Юри, твоя м(и)л(о)сть, слышишь, ото панъ Олехно маеть светъки добрые на то, што есть земля его людеи, а твоя м(и)л(о)сть, пане Юри, чы маеш ли на тое светъки, ижъбы то была земля твоихъ людеи». Юрей ответил, что

всей «околице» известно о принадлежности земли за речкой Олонец его людям, но никто не смеет «светьчити» на Олехна. Приняв предложение Юрья «завести» спорную землю, т.е. провести по границам и ознакомить с составом владений (ГСБМ. Вып. 10. С. 116), и присягнуть, свидетели спустя некоторое время отказались от этого намерения, объяснив свой отказ следующим образом: *«Волень его м(и)л(о)сть панъ Олехно над нами, мы на томъ не присягаемъ и греху собе не приимаемъ»* (тут и далее выделено нами. – А.Г.).

Процесс замечателен тремя особенностями. Первая особенность – его ход и резкий поворот на одном из этапов. Истец – первоначально фаворит процесса, имевший психологическое преимущество и уверенно влиявший на следствие, на последнем его этапе потерял это влияние и в результате проиграл дело. Это было серьезное поражение истца, поскольку он не только не добился своего, но и был публично изобличен в судебных махинациях. Вторая особенность заключается в характере этих махинаций. Истец – уже на тот момент крупный, уважаемый и влиятельный сановник, облеченный большим доверием господаря, достигший в конце жизни вершин светской власти, человек рассудительный, известный своими апелляциями к житейской мудрости и христианским ценностям (ПГ. Т. 1. С. 270–272, 274–275, 295–297), принудил свидетелей из числа бояр и крестьян к неугодному для Бога поступку, угрожавшему им бедой. И наконец, третья особенность процесса – «находчивость» ответчика, который сумел предоставить довод, резко изменивший ход процесса и решивший его исход. Всё это те особенности, которые выделяются при первом приближении к данным источника.

Приступим к более тщательному анализу его сведений. Судовый лист запечатлел факты замешательства, колебания и сомнений судей и свидетелей, даже некоторого их смятения, указывающие на то, что в процессе что-то пошло совсем не так, как предполагалось. Эти факты почти теряются в четком, уверенном и последовательном описании судебного процесса. Первое такое замешательство возникло у судей, когда ответчик предложил свидетелям «завести» спорное владение, а «заведши» – присягнуть. В этом случае вершителям правосудия пришлось «помыслить» (подумать). Второе замешательство испытали свидетели. Судьи поинтересовались у свидетелей, могут ли они выполнить то, что предложил ответчик. Свидетели ответили: «В(а)ша м(и)л(о)сть,

нас к тому *не припирайте, нехай межи собою помыслимъ* и, какъ помысливъши, в(а)шои м(и)л(о)сти отъкажемъ».

Попытаемся объяснить причины этих замешательств, колебаний и сомнений. Данное объяснение будет иметь характер вероятного предположения, которое косвенно подтверждается изменениями, происходившими в это время в области правосудия ВКЛ. Последнее искало такие принципы функционирования, соблюдение которых обеспечивало бы доверие к следствию, процессу и судебным вердиктам. И этому принципу, в частности, отвечала набиравшая силу практика подготовки судебных листов (Груша 2015. С. 203–205). Последние, имевшие характер отчетов, давали возможность агентам высшей судебной инстанции, авторитетным знатокам права оценить тщательность проведенного следствия, соблюдения процедуры, изыскания оснований, необходимых для вынесения обоснованного приговора суда, в конце концов, компетентность судей. То, что мы знаем о рассматриваемом процессе, почти всецело восходит к одному из таких листов.

Как мы считаем, Олехно Судимонтович твердо рассчитывал на определенный сценарий процесса – клишированный, предполагавший выполнение стандартной программы действий. В основе его «стратегического планирования» лежало предположение, что судьи примут решение на основании лишь информации свидетелей, не прибегая к присяге. Олехно как истец, согласно действовавшим нормам судебного права, обладал первоочередным правом предоставления свидетелей, показания которых, даже не подтвержденные присягой, имели решающее значение (на наш взгляд, именно большая вероятность избежать присяги сделала крестьян и бояр, которых Олехно принуждал к ложному свидетельству, более уступчивыми и сговорчивыми). Причиной замешательства судей послужило то, что ответчик неожиданно предложил свидетелям истца совершить такое действие, которое отсутствовало в арсенале суда. Согласие судей с этим предложением вызвало и замешательство свидетелей. Характерно, что свидетелям понадобилось время для раздумий – оценки ситуации и поиска вариантов решения. Но попытки найти эти варианты оказались тщетными. Возможно, Олехно, которому определенно принадлежал план общих со свидетелями действий, был слишком уверен в том, что процесс пойдет по предполагаемому сценарию. В силу этого он не продумал запасных вариантов. В рамках существовавших правил в разыгранной

Олехной партии его свидетели оказались лишенными каких-либо ходов и манёвров.

Если наше предположение верно, то в первую очередь возникают следующие вопросы. Какие силы вторглись в процесс и нарушили его планируемые легкость, ход и результат? Это было стечение случайных, особых обстоятельств, казус, возникший в рамках традиционных практик и решений? Или это были обстоятельства, подготовленные в результате неизбежных, закономерных и необратимых изменений, вызревших внутри общества? Мы склоняемся к последнему мнению. И к нему нас подводят факты, содержащиеся в анализируемом источнике. Рассмотрим данные факты и попытаемся объяснить их.

Напомним, что Олехно Судимонтович оказал давление на свидетелей и склонил их к даче ложных показаний, притом что последние давались с использованием процедуры «сознания» Божьей правды. Таким образом, эта религиозная процедура стала утрачивать фактическую силу. Свидетелей, призываемых к этой правде, стало возможным склонять к нарушению Божьих установлений и моральных норм. Это первый известный нам случай ложных показаний свидетелей. Для того, чтобы показать, какую доказательную силу имела ранее и отчасти еще сохраняла процедура свидетельства Божьей правды, приведем один, но многозначительный пример. Приблизительно в это же время – в 60-х гг. XV в., но чуть раньше нашего процесса, разбиралось дело между двумя молодыми, но знатными и богатыми панями Яном Юшкевичем и Яном Петрашевичем об избиении и грабеже бобровников и отнятии бобров. Решающим доказательством в этом деле послужило «сознание» Божьей правды *личных подданных* Яна Юшкевича, которые дали показание *не в пользу своего пана* (Груша 2015. С. 37–38). Заметим при этом, что Ян Юшкевич, больше известный по источникам и литературе как Ян Юрьевич Заберезинский, если судить по его карьерным устремлениям, а также по его жесткому противоборству с Михайлом Львовичем Глинским (закончившемуся гибелью Заберезинского от рук последнего в 1508 г.), не отличался, во всяком случае в зрелом возрасте, большой сдержанностью и уступчивостью в том, что касалось власти. Утрата фактической силы свидетельства Божьей правды в судебном процессе между Олехной и Юрьем является достаточным основанием, чтобы говорить об упадке прежних форм религиозности и морали.

Подчеркнем, что в нашем случае речь идет не о сговоре со свидетелями, их подкупе, т.е. о некоем более или менее «равноправном» и «взаимовыгодном» договоре, а о давлении на них. Силу влияния Олехны Судимонтовича в нашем деле позволяют оценить следующие факты. Во-первых, население, которое, со слов Юрья, «не смеют светить на пана Олехна», являлось довольно многочисленным – вся «околица». Под «околицей» тут надо понимать окрестности главного двора Олехны – Хожовая. Эти окрестности включали, помимо прочего, сёла Жасковичи и Готковичи Марковского повета (жители которых и давали показания в пользу Олехны; ныне все эти населенные пункты находятся на территории Молодеченского района Минской области Республики Беларусь). Указанные сёла располагались в 23 км от главной резиденции Олехны. Радиус заселенной территории, превышавший 20 км, очерчивает условную зону влияния Олехны. Разумеется, в данном случае речь идет не о влиянии на подданных, принадлежавших крупным панам (ясно и то, что данное влияние не распространялось на бояр и крестьян Юрья Зеновьевича, которые, как следует из источника, были готовы защищать интересы своего пана и признанием, и присягой). Во-вторых, среди этих подданных были не только крестьяне, но и бояре, положение и статус которых давали им возможность сопротивляться влиянию «сильных» людей. В-третьих, неформальная власть Олехны превышала авторитет местной официальной власти, *перед лицом которой* – перед марковским наместником Михайлой Корсаковичем, являвшимся одним из судей в данном процессе, бояре и крестьяне подведомственного ему округа *единогласно* («у в одно слово») давали заведомо ложную информацию. Данные факты показывают, какой степенью влияния мог обладать сановник, занимавший далеко не самую высокую должность, но входивший в состав панов рад, к тому же, как видно, наделенный, в том числе в силу своего властного положения, неукротимым характером. Такого влияния на местное население не имел более молодой по возрасту и не занимавший никаких постов Юрей Зеновьевич.

Личность Олехны Судимонтовича, вызывавшая страх и трепет у местного населения, интересна и вот в каком аспекте. Как уже неоднократно указывалось, он обязал господарских подданных дать ложную информацию при «сознании» Божьей правды. Этот поступок свидетелей вел к «образу» (вреде) их душам и «напасте» (беде) (Срезневский 2003. С. 6; ГСБМ. Вып. 19. С. 171–172;

Вып. 21. С. 250). В социальном плане разоблачение в даче этих показаний угрожало лжесвидетелям утратой репутации, изоляцией и, как результат, нарушением базовых социальных принципов – групповой солидарности и соседского согласия. Но, даже не будучи разоблаченными, они должны были испытывать сильнейший страх и потрясение, опасаясь Божьего наказания. Олехно, толкая подданных к религиозному проступку, обрекая их на страдания в этом и ином мире, был лишен сочувствия к ним. Он не находил эти страх, потрясение и страдания достойными сожаления. И это, помимо всего прочего, являлось важным признаком социальной дискриминации. Гибнущие души подданных не обладали для него высокой ценностью и уважением. И это притом, что, напомним, среди подданных были не только крестьяне, но и представители военно-служилого класса – бояре.

Такой правовой акт, как религиозная присяга, у низовых слоев населения сохранял сильные позиции. Если она должна была подтвердить ложное свидетельство, ее приближение внушало ужас, граничивший с глубинными психологическими переживаниями. Источник дает возможность догадываться, как нарастала эмоциональная напряженность свидетелей по мере приближения срока сложения присяги. В нашем случае это священное действие должно было состояться на спорной земле. Но, не дойдя до нее, свидетели отказались от принесения присяги. Мы можем определить степень упадка прежних форм религиозности и морали на ее условной шкале. Подданные были готовы подвергнуться «образу» души и «напасте». Но они всё же отказались дать признания под присягой, объяснив это нежеланием стать на путь греха.

Число людей разного социального статуса, на которых оказал давление Олехно, может указывать на то, что в судебной практике случаи принуждения к лжесвидетельству были не новы, а у отдельных лиц имелся опыт такого принуждения. Эти случаи не являлись сверхординарными, но еще и не были регулярными в той мере, чтобы основательно угрожать правопорядку. Поэтому в праве отсутствовал такой субъект, как лжесвидетели, равно как и нормы, предусматривавшие отстранение от участия в суде лиц, подозреваемых в даче ложных показаний, привлечение их к судебной ответственности. Вот почему, несмотря на предупреждение Юрья Зеновьевича о том, что потенциальные свидетели не способны предоставить правдивую информацию, они всё же были привлечены к участию в процедуре «сознания»

Божьей правды. С фактом отсутствия этих норм коррелирует другой факт: сохранение юридической силы за свидетельством Божьей правды. Но приметы кризиса данной процедуры уже проявляли себя. Она, как показывает рассматриваемый источник, стала давать сбои в судебных делах с участием представителей социальной элиты. Вскоре эта процедура исчезнет навсегда. Упоминание о ней в нашем источнике – одно из последних из числа известных (Груша 2015. С. 37–40; Мікульскі 2016. С. 155). Ее исчезновение совпало по времени с появлением правовых решений, мер и норм, исключавших или ограничивавших возможность дачи ложных показаний, в том числе, кстати, и под присягой (Груша 2015. С. 151–155).

Эти и другие сведения позволяют оценить возможности и соотношение сил всех участников процесса к его началу. Сильный и влиятельный Олехно, бесспорно искушенный в судебных делах, сам опытный судья (судебные функции ему вменялись как городенскому старосте и полоцкому воеводе), вступал в процесс, вооружившись решающим с позиций судопроизводства доводом – показаниями свидетелей. Правда, эти показания вызывали подозрение. О возможностях второй стороны – Юрья лучше всего выразился он сам: «Сведомо всеи околицы, што то есть земля моихъ людеи, але не смеють светъчити на пана Олехъна». Судьи были стеснены необходимостью использовать традиционные приемы ведения процесса и дали возможность истцу действовать по разработанному им плану. Правовое преимущество Олехны заключалось в том, что подозрение в лжесвидетельстве не являлось «юридическим случаем» и могло быть проигнорировано судьями.

А теперь посмотрим, как развивался процесс. Выяснив у Юрья, каким образом спорная земля перешла Судимонту, суд обратился к Олехне с вопросом: «Чимъ, твоя м(и)л(о)сть, доведешъ, ижъ-бы тая земля была тыхъ твоихъ людеи Лялевичъ». Истец ответил, что у него есть добрые мужи и бояре, которым хорошо известно – эта земля принадлежит ему. Тот же вопрос был задан и Юрью. Отвечая именно на него, Юрей обратил внимание на то, что предполагаемые свидетели «не смеють светъчити на пана Олехъна». Ответчик выразил следующее желание: «Хочу слышати и видети тыхъ светъковъ всихъ пана Олехъновыхъ, а вслышу ихъ сведецьтва, какъ они будутъ перед в(а)шею м(и)л(о)стью светчити, тогда в(а)шей м(и)л(о)сти отъкажу». Судьи приказали Олехне поставить свидетелей. Последние были поставлены, а их

имена переписаны. Все они оказались королевскими крестьянами и боярами Марковского повета. Опрос свидетелей производился тремя отдельными группами. Судьи обратились к ним со следующим требованием: «Вы, светьки, поведате намъ *по правьде, такъ какъ ся Б(о)га боячи*, чия то есть земля, которое пань Оলেখно ищет». Все свидетели единогласно сообщили, что земля принадлежит людям Оলেখны.

У суда с формальной точки зрения имелись все основания завершить процесс, признав правым Оলেখну. Но процесс не был завершен. Следовательно, судьи не проигнорировали подозрения в лжесвидетельстве. Более того, они явно придали значение этим подозрениям и посчитали необходимым их проверить. Способом проверки могла служить процедура опроса свидетелей «порозну», т.е. отдельными группами (чтобы лишить психологической поддержки в большой группе и тем самым повысить их уровень ответственности и честности, а также выявить противоречия в показаниях). В распоряжении судей, похоже, имелись и иные методы проверки: анализ невербального поведения – психофизиологических реакций (взгляд, частота миганий, ритм дыхания, цвет кожных покровов, потоотделение, тон голоса, темп речи и др.) – и содержания речи (правда, тут судьи не выявили никаких проявлений лжи: свидетели дали показания «у в одно слово»). Возможно, результаты этой проверки дали основания всерьез усомниться в правдивости информации свидетелей.

После получения показаний от свидетелей Оলেখны, судьи спросили у Юрья, какое доказательство он может противопоставить этим показаниям. Юрей выразил намерение поставить в качестве свидетелей всех его собственных бояр и крестьян, которые были готовы подкрепить свою информацию присягой. Судьи отказали ему в данном намерении, сославшись на принятый в судопроизводстве порядок. Но показательно, что при этом они дали Юрию еще один шанс возразить истцу. Воспользовавшись им, ответчик произнес реплику, исполненную драматизма, которая и изменила ход процесса: «Могу на томъ утерьпети, коли тые светьки вси такъ светьчать, што то есть не моя отчизна, а будеть ли то пана Оলেখновыхъ люди по тотъ рубеж верху писаныи, нехаи тые светьки вси пана Оলেখновы, какъ ведають, такъ и заведуть, а заведши нехаи присягнут, *и я на томъ пану Оলেখну поклонивъши ся и заплакавши з людьми своими из отъчизны своею хочу вонъ выступити*».

Эта реплика – повод остановиться на вопросе о факторе эмоций в стимулировании судей к установлению истины в данном деле. Каждая из сторон имела твердые намерения и решимость отстаивать свои права. Со слов судей: «И пань Оলেখно с паномь Юремь *много мовили* перед нами о тую землю...». Эти намерения не являлись попыткой испытать удачу, сыграв на неопределенности правовых норм в этом сложном процессе. Стороны относились к спору очень ответственно. Этот спор был ожесточенным. В нём каждая из сторон проявляла недюжий напор и не сдавалась под противодействием другой стороны. Это было обусловлено и тем, что и для Юрья, и для Оলেখны земля за речкой Оленец была наследственным владением. Она принадлежала дяде Юрья – Василью. Для Оলেখны же она являлась отчиной. Не важно, как и когда эта земля была приобретена отцом Оলেখны. Главным было то, что Оলেখне она досталась от отца. Следует понимать, что представляла собой земельная отчина для ее владельца. Отношение к ней не было сугубо прагматичным. Отчина являлась своего рода «местом памяти» рода. Связанная с воспоминанием об отце, памятью о его заслугах и положении, она формировала сильные и сложные эмоциональные образы. В этом плане размер земельной отчины, как в нашем случае, не имел большого значения. Об остроте противоборства говорит тот факт, что стремление Оলেখны отсудить землю привело его к судебным махинациям. Оলেখно сознательно и прямо обязал свидетелей прибегнуть к ложным показаниям.

Мы склонны считать, что рассматриваемый спор являлся одним из эпизодов давнего и затянувшегося междоусобного конфликта. Спорное владение некогда являлось частью общего «именья» Ивана Зеновьевича – отца Юрья, и брата Ивана – Василья, доставшегося братьям от их отца – Зеновья Братошича (Petrauskas 2003. P. 218; Пятраўскас 2014. С. 217–218) (Юрей называл эту землю «отчизной и *дедизной*»). Братья разделили это владение «наполю». В результате раздела Ивану достались люди Бореброневичи с их землей, а Василью – люди Лялевичи с землей – это и была та самая земля, из-за которой судились Оলেখно Судимонтович и Юрей Зеновьевич. Во время войны великого князя литовского Жигимонта Кейстутовича и Швитригайлы (Свидригайлы) Ольгердовича в 30-х гг. XV в. (о ней см.: Полехов 2015) Василей Зеновьевич был оклеветан Судимонтом – Василья обвинили в том, что он якобы перешел на сторону Швитригайлы. Разгневанный

правитель отнял у Василья его «дельницу» и передал ее Судимонту (это произошло в конце 1432 – начале 1433 г.; см.: Полевых 2015. С. 312–313).

Как уже отмечалось, на суде Олехно и Юрей «много мовили» об этой земле. Чтó являлось предметом прений, не сообщается. Не подлежит, однако, сомнению, что они касались вопроса о сроке давности владения землей. Ибо если лицо, претендовавшее на землю, на протяжении продолжительного времени официально не напоминало о своих претензиях, то эта земля навсегда оставалась в руках ее фактического владельца (Груша 2015. С. 49–51). На момент подачи иска Олехной, землей за речкой Оленец фактически владел Юрей Зеновьевич, а не ее правообладатель по отцу – Олехно. Но какое время он ей владел, мы не знаем. Поэтому нам трудно сказать, мог ли Юрей воспользоваться доводами, связанными с правом давности. Вообще же источник ничего не сообщает о подобных доводах. Полагаем, что аргументы сторон по этому вопросу были настолько непригодными, неприемлемыми и незначительными для судей, что последние не посчитали нужными приобщить их к следствию, сообщив о прениях лишь в самой общей форме («много мовили»).

Как бы то ни было, причиной длительного межродового конфликта вполне могла стать клевета отца Олехны на дядю Юрья, приведшая Зеновьевичей к утрате отчинного владения, материальному ущербу и «репутационным потерям». Противостояние между родами могло продолжиться и в следующем поколении: между сыном Судимонта – Олехной, и племянникам Василья – Юрьем Зеновьевичем. В результате в руках Юрья Зеновьевича и оказалась та земля, из-за которой он был привлечен к суду Олехной. Межродовой характер конфликта делал стороны более непримиримыми, а данный процесс – эмоционально напряженным.

Напряженность процесса возлагала на судей дополнительную ответственность. Суд должен был найти такие веские основания, принять такое выверенное решение, которые были бы убедительными для обеих сторон, даже несмотря на их враждебность друг другу.

Именно после эмоциональной реплики Юрья судьи и пришли к замешательству. На судей явно подействовало возвание ответчика к их чувствам. Но главной причиной этого замешательства явилось то, что Юрей, как мы предположили выше, неожиданно предложил свидетелям истца совершить такое действие, которое

отсутствовало в арсенале суда. После раздумий суд принял предложение ответчика. Источник характеризует это решение как принципиальное, непреложное, основанное на полной убежденности судей в его правомерности: они «о томъ помысливши и тому порозумели, *што без того не можетъ быти*, а наболеи о земленомъ деле». Но поскольку этому решению судей предшествовало их замешательство и раздумья, ясно, что к выводу о состоятельности предложения ответчика они пришли не сразу – через сомнения. И лишь анализ данного предложения позволил им побороть сомнения и должным образом оценить целесообразность и обоснованность того, что было предложено ответчиком. Слова судей, что «без того не можетъ быти», выражают и полное отсутствие у них сомнений в связи с ранее принятым решением о проверке подозрений или же полное исчезновение этих сомнений после произведенного анализа и оценки предложения ответчика.

В чем заключалась «лазейка» для ответчика, позволившая ему повернуть ход процесса? Мы склоняемся к следующей версии. Юрей предложил свидетелям истца подтвердить, строго говоря, не факт принадлежности владений, а их границы. Формально это предложение не соответствовало направленности спора; оно не отвечало процедуре, принятой в этих делах. Но это был *аргумент логического характера*. Ведь если свидетели обладали информацией о принадлежности земли, следовательно, они должны были знать и ее границы (как надо понимать, во всяком случае, отдельные участки границы спорной земли и земель свидетелей были общими). Предложенный Юрьем довод представлял самый короткий путь от сложного узла вопросов к их разрешению. Правда, эта версия вступает в противоречие с некоторыми фактами и интерпретациями, представленными нами выше. Неужели Олехно Судимонтович, имевший опыт в судебных делах, не смог предвидеть выдвижения подобного аргумента? Возникают также и следующие вопросы. Почему этот «логический аргумент», имевший, на первый взгляд, бесспорную доказательную силу, отсутствовал среди процедур суда? В чем заключались сомнения и анализ судей? В конце концов, каким образом сработала «лазейка» ответчика?

Дело в том, что этот аргумент сам по себе не имел никакого веса. Он не был подкреплён традицией. Поэтому Олехно, разрабатывая свой «стратегический план», не смог предвидеть его выдвижения. Этот факт – красноречивый. Олехно, вероятней всего,

ни разу не сталкивался с подобным аргументом в своей судебной практике. Чтобы он возымел силу, его надо было «подвести» к существовавшим судебнo-процессуальным нормам, «текущий контроль» за соблюдением которых вели знатоки права из числа местных авторитетных жителей и ближайшего окружения судей в данном процессе – его свидетели (перечень данных свидетелей приведен в конце судебного листа; их роль в качестве экспертов права, так же как и аналогичная роль свидетелей иных судебных процессов, достойна отдельного исследования). Вопрос о том, *в какой мере* данный аргумент можно было «подвести» к указанным нормам, являлся предметом сомнений судей. Вопрос – *как* можно было это сделать, составлял предмет их анализа. Приняв указанный аргумент, судьи всё же смогли представить и «провести» его так, чтобы он был в конечном счете одобрен в качестве обоснованного, целесообразного и справедливого. Одно понятие, использованное в формулировке решения судей, позволяет догадываться, какой прием они при этом применили. Это понятие – «земленое дело», т.е. дело о земельном владении, отождествляемое в поздних судебных листах с выездом судей или их представителей – «ездоков», на спорную землю для проведения следствия на месте (ЛМ-228. С. 152, 256, 314, 320), а иногда и одновременно с таким способом обоснования прав на землю, как присяга (РИБ. Т. 20. Стб. 724–725, 760–761, 908). Указанный прием, как мы считаем, заключался в следующем. Данный логический аргумент был представлен в компромиссном виде. Судьи, *в целом* приняв традиционные принципы, предусмотренные процедурой «земленого дела», тем самым утвердив свои позиции как знающих и справедливых вершителей правосудия, приверженных традиции, закамouflировали отступление от традиции *в решении отдельного вопроса*. И это отступление, очевидно, нашло сочувствие среди «добрых людей», свидетелей процесса – представителей местного населения, формировавших общественное мнение об этих и других поступках и посягательствах Олехны.

Как показывает дальнейший ход процесса, ответчик и судьи не ошиблись, избрав «завод» земли и присягу в качестве доказательства прав на землю за речкой Оленец. Как уже отмечалось, предложение судей «завести» землю и присягнуть повергло свидетелей в смятение. Они попросили не «припирать», т.е. заставлять их, и дать возможность «межи собою помыслить всим», т.е. подумать и обсудить между собой. Не найдя убедительных вариантов

возражения, свидетели согласились с предложением судей. Судьи признали «завод» и присягу свидетелей окончательным доказательством, призванным положить конец спору. Со слов судей: «И мы, суди, суд свои завезали на конецъ: естъли тые светъки вси тую землю заведуть и на томъ присягнут, тогда пана Олехновымъ людямъ тая земля, а естъли тые светъки не присягнутъ, тогда пана Юревымъ людемъ тая земля». Участники процесса двинулись на спорную землю. Но на пути туда свидетели *«вси в одно слово»* признались, что в этом процессе они были подневольны Олехне. Таким образом, намерение привлечь свидетелей к присяге подтвердило утверждение Юрья и подозрения судей в лживости показаний тех, кто должен был доказать правоту Олехны, вскрыло настоящие мотивы поступка этих свидетелей. Поскольку решение судей о «заводе» спорного владения свидетелями и их присяге было окончательным, а свидетели не выполнили данное решение, судьи признали правым в этом процессе Юрья Зеновьевича.

Подведем некоторые итоги. Мы видим, что судьи не были зациклены на процедуре и строгом следовании традиционным канонам. Нацеленные на установление истины, проявив твердость в преодолении как минимум психологического давления со стороны Олехны, собственных колебаний и сомнений, они приняли нестандартное, скорее всего, беспрецедентное решение, отдав предпочтение логическим, а не традиционным доказательствам. Могущественный Олехно, полагавший свое право на власть, силу и влияние, рассчитывавший на возможность ввести следствие в заблуждение, действовавший при этом последовательно и закономерно, недооценил верность правосудию, волю, подготовленность и зрелость судей.

Стоит отметить также, что процесс был почти полностью лишен признаков игры, спектакля, перфоманса, в которых главным методом судебных сторон было воздействие друг на друга, на судей, манипулирование, провоцировавшее их на те или иные слова и действия, с использованием лингвистических, риторических, эмоционально-психологических и других техник (см. о таких процессах: Pieniądz 2016).

Серьезные изменения в обществе проявились в упадке прежних форм религиозности, в частности в исчезновении строгих и действенных санкций за нарушение религиозных и моральных норм. В прямом смысле крестьяне и бояре стали больше бояться панов, их расправы за неподчинение и непослушание, нежели

Бога и его наказания за нарушение установленных им порядков. Этот упадок нарушал баланс социальных сил, расширял каналы насилия, превратив угрозы и ложь в инструмент воздействия на индивидов и группы в партикулярных интересах влиятельных персон. Возможность этого воздействия раззадоривала мирских владетелей, упоенных властью, лишала их эмпатии в отношении менее защищенных социальных групп, искушала к подавлению их воли, принуждая их к порочащим и компрометирующим поступкам, которые к тому же наносили вред их душам и сулили беду и несчастье. Возникшие условия сами по себе готовили питательную почву для конфликтов. Но когда конфликты доходили до суда, то выяснялось, что существовавшие принципы и методы правосудия не приносили ожидаемых результатов – они сами превратились в средство незаконных притязаний и судебных махинаций. Сложность ситуации заключалась в том, что в значительной степени именно на этих принципах и методах зиждился авторитет суда. Судьи оказывались в новых, неизвестных им до этого, уникальных, нестандартных обстоятельствах, когда отсутствовали заранее готовые решения, унаследованные традицией. В этих обстоятельствах у них не было иных возможностей, как только пытаться искать выверенные и взвешенные решения вне традиции, апеллируя к своему разуму и разуму тех, кто оценивал их решения, применяя, как бы мы сказали сегодня, критическое мышление. Использование последнего в случае нашего процесса требовало учета и анализа, кроме всего остального, субъективного, личностного фактора, обращения к неформальному способу расуждения, поиску и выдвижению новых фактов.

Применение этого мышления стимулировалось психологическим накалом процесса. В этом накале преломлялось не только напряжение, вызванное фронтальной встречей двух решительных противоборствовавших сторон, но также и различные страхи и риски всех участников процесса: страхи и риски истца – утратить отцовское владение, несмотря на все предпринятые ухищрения, которые к тому же в определенной степени манифестировали его неформальную власть; ответчика – не добиться правды из-за этих ухищрений; свидетелей – быть наказанными или Богом за нарушение его установлений, или могущественным соседом за невыполнение его требований; судей – потерять управление процедурой, климатом процесса, а в результате – авторитет и репутацию как творцов правосудия и доверие правителя. Этот накал усиливался

из-за явного психологического давления истца на вторую сторону и судей. В условиях данного накала поиск и выдвижение новых фактов, принятие решений происходило через замешательства, колебания, сомнения судей. Но данные решения являлись не демонстрацией нового мышления, наоборот, они выдавались за традицию.

В этих условиях – изменения форм религиозности, упадка моральных норм, нарушения баланса социальных сил, несостоятельности традиционных процедур и психологического накала, происходило утверждение документальных практик. Документ наследовал традицию, замещая ее там, где она рутинизировалась и исчерпала ресурсы религиозного императива. Он заменил показания свидетелей, утративших страх Божий, нестойких в свидетельстве правды под натиском сильных и властных соседей. Когда судебный процесс вышел за рамки традиции и перестал быть клишированным, предполагавшим выполнение стандартной программы действий, а судьи оказывались в непривычных обстоятельствах, документ был призван подтвердить правильность проведенного процесса и обоснованность приговора суда.

Один из документов зафиксировал и удостоверил решение по данному процессу. Это один из ранних судебных листов в ВКЛ. Для своего времени это тоже была новация, подобно тому решению, которое приняли судьи. Как мы видим, именно судьи являлись генераторами разных рациональных решений.

Спустя более чем 50 лет, в 1522 г., возник новый спор о земле за речкой Оленец – на этот раз между сыном Юрья Зеновьевича – также Юрьем, и крестьянами из сёл Жасковичи и Готковичи – сыновьями и внуками тех, кто давал ложные показания под давлением Олехны. И, хотя существование письменного приговора суда за 1467 г. не усмирило пыл второй стороны, именно этот лист и еще один документ, а не «сознание» Божьей правды и даже не присяга, стали основанием для решения суда (в пользу Юрья Юрьевича Зеновьевича) (LM-25. Р. 266–268).

Древнейшие из известных судебных листов в ВКЛ относятся ко времени правления великого князя Витовта (1392–1430). С 40-х гг. XV в. можно наблюдать более или менее регулярное составление подобных документов (Груша 2015. С. 126, 183, 186, 196, 294–205). Динамика внедрения документа в судебный процесс в определенной мере отражает динамику общественных

изменений, приведших к рутинизации и упадку традиции. Однако к 60-м гг. XV в. судебный лист еще не стал неотъемлемой частью этого процесса.

Как иные рациональные новации документ носил в себе приметы традиции. В основе формуляра рассматриваемого документа – не лаконичные, беспристрастные канцелярские формулы, а развитие повествования, сочетающее в себе детальные указания производимых действий и развернутые диалоги судей и сторон, как будто точно зафиксировавшие то, что произносилось. Эта точность проявляется не только в сохранении приема рассказа от первого лица, но и в использовании обращений, образных выражений и других особенностей, присущих устной речи. Этот судебный лист походит на пьесу, написанную в жанре драмы. Все эти особенности не уникальны – они являются типичными для документов данной разновидности, созданных в ВКЛ в 40–90-х гг. XV в. Такой способ изложения оживлял у читающих документ образы и ход процесса, лучше сохраняя их в памяти (Груша 2015. С. 223–225).

Традиции и рациональные новации перемежались. Выше мы отметили такие рациональные черты содержания документа и изложение текста, как представление дела по существу, ясно, четко, емко, последовательно и логично. Но полнота описания процесса в документе, очевидно, страдает. Документ явно умалчивает, например, о давлении Олехны на судей, на Юрья Зеновевича, возможно, о других нелицеприятных действиях и словах Олехны. И данное умолчание также было «рациональным». Это было не дело судей публично оглашать то, что не касалось судебных процедур и могло испортить репутацию Олехны, хоть провинившего подданного, но всё же верного государю.

ЛИТЕРАТУРА

- Груша А.И. Недоверие – не из-за него ли появился письменный акт? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. № 1. С. 131–156.
- Груша А.И. Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.). Минск, 2015.
- Мікульскі Ю.М. Беларуска граматы 1460–1544 г. са сховішчаў Вільні і Варшавы // *Беларуская даўніна: Studia et fontes* / Рэд. Ю.М. Мікульскі. Мінск, 2016. Вып. 3, № 2. С. 131–184.

- Полехов С.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.
- Пятраўскас Р.* Літоўская знаць у канцы XIV–XVст.: склад, структура, улада / пер. з літ. мовы А. Мікус. Смаленск, 2014.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. М., 2003. Т. 2: Л–П.
- Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a. Sudėtis. Struktūra. Valdžia. Vilnius, 2003.
- Pieniędz A.* Literacy and the legal culture of the early middle ages. Old research – new questions // *Právni kultura středověku*. Praha, 2016. (Colloquia mediaevalia Pragensia; 17). S. 13–25.

Aleksandr I. Hruša

JUSTICE FOR THE LORD: THE PROCESS OF 1467 IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL CHANGES IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE SECOND HALF OF THE 15TH CENTURY

The paper follows an example of establishing new ways of reasoning, taking nonstandard decisions, and overcoming of the power of traditional norms, in the practice of justice in the Great Duchy of Lithuania in the second half of the 15th century. The lawsuit of 1467, between Olekhna Sudimontovich and Yurey Zenovyevich, concerning a land property over River Olenets, is analyzed. The surviving record of the lawsuit allows us to analyze the motives of both parties, the opportunities they had as to defend their interests, their explicit and implicit claims, their attitudes towards social norms and traditional procedures, the repertory of their steps, manoeuvres, strategies, their mental and emotional reactions in changing circumstances, in response to new challenges and new perspectives. It is shown in which conditions, circumstances, and socio-cultural environment new forms of legitimization appeared. The lawsuit analyzed almost entirely lacked elements of game or performance, in which the main method of the parties would have been to influence each other and the judges, to manipulate them, to provoke certain sayings or actions using linguistic, rhetoric, or psychological techniques. The judges were not dogmatic in their following of traditional canons. Purporting at finding out of the truth, overcoming psychological pressure from of the parties of the lawsuit as well as their own hesitations and doubts, the judges took a non-standard, unprecedented decision. They chose logical proofs instead of traditional ones.

One can conclude that social changes of the 15th century led to a decline of old forms of piety, including the disappearance of severe and effective sanctions for breaking religious and moral norms. This decline broke the balance of social forces, increased violence, made intimidating and lie instruments in the hands of

certain powerful persons advocating their private interests. Traditional principles and methods of justice became a mean of illegal claims and manipulations. The judges found themselves in new, nonstandard circumstances, where there were no ready decisions inherited from the tradition. In those circumstances they tried to find out verified and balanced decisions relying not upon the tradition but upon their own reasoning and upon the reasoning of those who assessed their decisions. The judges, thus, turned to critical thinking. The latter implied that they had to consider and to analyze, among other things, the subjective, personal factor, to turn to an informal way of thinking, to search and consider new facts.

In those conditions of the changing forms of piety, the decline of moral norms, the breaking of social balance, the inability of legal procedures, and the psychological tension, documental practices emerged. Document was a heir of the tradition. It replaced the tradition where the latter became routine and could not play the role of religious imperative any more. Document replaced oral testimony. When trial overcame the frames of the tradition and stopped to be uniform, presupposing a standard sequence of steps, and when the judges faced unusual circumstances, that was the document which helped to justify the strictness of the course of the trial and the validity of the decision taken.

Key words: the Great Duchy of Lithuania, lawsuit, law, tradition, innovation, testimony, court procedures, proof, document, rationality, critical thinking, informal way of thinking